

Глава 8. Возвращение

В салоне внедорожника ехали четверо. Никто из них вслух не называл конечной цели, однако трое без лишних слов сошлись на том, что первой остановкой станет гора Циньчэн — до неё было всего два дня пути. Проезжая мимо очередной заправочной станции, Му Хуайшу заметил пустые, давно разграбленные канистры у обочины, а затем посмотрел на своего попутчика. Чэнь Цзэюй молча достал из пространственного хранилища припасённое горючее и залил полный бак.

Му Хуайшу кивнул и забрался в салон. Они с Цзэюем привычно поменялись местами. Примостившийся на заднем сиденье Цзян Цинь с нескрываемым любопытством наблюдал за ними. Ему давно не давал покоя вопрос: по какому такому правилу эти двое то и дело уступают друг другу руль?

Лу Чэньюнь несильно щелкнул парня по затылку.

— Хватит глазеть, лучше займись своим компьютером. Как там с сигналом?

— Да пока нормально, — проворчал Цзян Цинь. — Но судя по моим прогнозам, завтра-послезавтра всё небо затянет тучами. А раз будет пасмурно, значит, солнечная батарея не зарядится. Раз она не зарядится, компьютер сдохнет. А раз он сдохнет, я не смогу...

От бесконечного бубнежа Лу Чэньюню мгновенно напекло макушку. Этот малый в своё время здорово выручал их в полицейском управлении, так что бросить его в Биньчжоу было бы просто свинством. Но видит бог, порой безумно хотелось найти способ заткнуть этот неиссякаемый фонтан красноречия.

Впрочем, болтовня на заднем сиденье ничуть не мешала тем, кто сидел впереди. Одинокие зомби, изредка попадавшиеся на дороге, даже не успевали приблизиться к машине — в мгновение ока они оседали на асфальт лужами зловонной чёрной жижи, осыпались тёмным прахом или, вспыхнув от резкого разряда молнии, превращались в обугленные головешки.

Когда они в очередной раз остановились возле придорожного магазинчика, чтобы проверить, не осталось ли там каких-нибудь припасов, Му Хуайшу заметил хвост. За ними без лишнего шума следовала целая колонна беженцев — не меньше десятка разномастных машин. Судя по всему, эти люди пристроились сзади уже довольно давно.

Набрав немного продуктов быстрого приготовления, Хуайшу мысленно порадовался, что лавку не успели обобрать дочиста. Наверное, прежние мародёры просто не смогли унести всё с собой.

Вернувшись в салон, Му Хуайшу недовольно покосился на Чэнь Цзэюя:

— Ты и об этом знал?

— Догадывался, — Чэнь Цзэюй не смог сдержать улыбки, заметив затаённую обиду в глазах младшего. Он поймал брошенную ему пачку галет, достал из своего пространства немного сытной домашней еды и передал всё назад, попутно добавив: — Они не будут тащиться за нами до конца. У нас слишком разные дороги.

— Хотелось бы верить, — буркнул Хуайшу.

Он завёл двигатель, и внедорожник покатил дальше к горам Циньчэн. И лишь когда парень свернул с оживлённого шоссе на просёлочную дорогу, а следовавшая за ними кавалькада в замешательстве замерла на развилке и вскоре скрылась из виду, он наконец довольно усмехнулся.

Рождённый под несчастливой звездой небесной гибели, Хуайшу органически не переносил чужаков — любое общение с незнакомцами вызывало у него глухое раздражение и дискомфорт. К тому же бродящие вдоль дорог живые мертвецы казались ему... в чём-то на него похожими.

Однако покой длился недолго: вскоре позади снова показались фары чужих машин. Му Хуайшу внешне оставался абсолютно спокоен, но его методы расправы со встречающимися зомби становились всё более изощрёнными. К примеру, вместо того чтобы прикончить тварь одним точным ударом, он намеренно уменьшал поток энергии Ша, позволяя ей медленно разъедать плоть мертвеца, превращая её в подобие вязкого гудрона. Лишённый болевой чувствительности труп продолжал бессмысленно ползти вперёд, хлюпая полусгнившими конечностями. В конце концов Чэнь Цзэюй вздыхал и сам добивал несчастного, прекращая это жуткое зрелище.

У подножия горы Циньчэн Чэнь Цзэюй припарковал машину. Му Хуайшу, не теряя ни секунды, первым выскочил наружу и устремился вверх по склону. За ним, таща за собой ничего не понимающего Цзян Циня, поспешил Лу Чэньюнь.

Заметив по пути несколько свежих провалов и воронок в земле, Хуайшу почувствовал, как внутри у него всё неприятно сжимается. Шаг его сделался шире, он почти бегом взлетел по каменным ступеням к воротам Храма.

— Что, несладко пришлось в миру? — раздался знакомый голос.

Даос Циньюнь, загодя почуявший ауру ученика, стоял у ворот и тепло усмехнулся.

Увидев наставника живым и невредимым, Му Хуайшу мгновенно выдохнул, сбрасывая невидимый груз с плеч.

— Да вот, вспомнил, что у нас тут растёт куст алых плодов чжугу, и они как раз должны созреть, так что...

Не договорив, парень ловко уклонился от шутливого выпада старого даоса, взмыл в воздух, легко коснулся ногами черепицы на крыше и скрылся из виду.

В его келье по-прежнему пахло тонким ароматом благовоний. Му Хуайшу привычно забрался на постель, поджав колени. В этом месте он провёл без малого двадцать лет, и только здесь его истерзанная душа находила истинный покой.

Уловив за дверью шорох шагов, Хуайшу бесшумно соскочил на пол и одним мягким прыжком вылетел через потолочное окно на крышу. Притаившись среди серой черепицы, он сверху наблюдал, как гость стучится в его дверь. Впрочем, обоняние уже подсказало ему, кто стоит на пороге.

— Ну и зачем ты меня ищешь, старший брат? — бесшумно приземлившись позади Чэнь Цзэюя, спросил Хуайшу.

— Настоятель хотел тебя видеть, вот я и решил проверить, у себя ли ты, — с мягкой улыбкой отозвался Цзэюй, ни единым жестом не выдав удивления от внезапного появления младшего.

Му Хуайшу покачал головой:

— Старик сейчас наверняка дерётся с Шишу Лу. Так что... ты пришёл именно ко мне?

Некоторые вещи не нуждались в словах. Заметив, как Чэнь Цзэюй смущённо кашлянул, Хуайшу весело прищурился:

— Давай я покажу тебе наши места?

Рядом с Цзэюем он чувствовал себя на удивление легко. Временами этот серьёзный старший брат казался ему даже забавным.

— С удовольствием, — согласился тот.

Хуайшу улыбнулся и неторопливо повёл спутника вглубь владений Храма. Поскольку в прежние годы его учитель ещё не занимал пост настоятеля, Му Хуайшу с его проклятием Одиноким звезды небесной погибели жил не в самом храме, а в уединённом флигеле неподалёку от дикого заднего склона.

Кошмар, охвативший Биньчжоу, казалось, обошёл эту обитель стороной. По крайней мере, так было до тех пор, пока они не вышли к площади для тренировок, где один из послушников,

отрабатывая классические движения Техники меча Циньчэн, одновременно запускать в воздух водяные стрелы.

— Ого... — Чэнь Цзэюй невольно замер от удивления. — Похоже, здесь люди приспособились к новому миру куда быстрее, чем городские.

Его действительно поразило увиденное. Трудно было представить, что в царящем вокруг хаосе действительно — тому самому суровому даосу, который сейчас увлечённо тузил его собственного учителя — удалось сохранить порядок и удержать храм от раскола.

— Наверное, — равнодушно обронил Му Хуайшу.

Ему не было дела до обитателей горы. За исключением учителя, судьба прочих послушников и монахов его не заботила. Живы они или мертвы — какая разница?

Они поравнялись с вереницей старых гостевых пристроек, и Хуайшу внезапно замер. Если обоняние не обманывало его, из-за плотно закрытых дверей тянуло безошибочно узнаваемым смрадом разложения. Там держали зомби.

— Шибко усыпил их? — Чэнь Цзэюй сделал шаг вперёд. Тонкий, целебный аромат, исходящий от его тела, немного разогнал застоявшийся трупный запах.

— Зайдём да проверим, — Хуайшу потянулся к створке, но его ладонь наткнулась на невидимый барьер заклęcia. Парень недовольно сощурился, и вокруг его пальцев завихрилась тёмная энергия Ша.

— Погоди!

Чэнь Цзэюй перехватил его запястье. Тёмная дымка тут же перекинулась на их сцепленные руки, но Хуайшу вовремя подавил технику и втянул Ша обратно.

— Ты... — Хуайшу потрясённо уставился на ладонь старшего брата, на которой не осталось ни единого ожога или следа тления. Ему до сих пор верилось в это с трудом.

— Я ведь говорил: моё тело от рождения пропитано целебной силой, так что твой Яд Ша меня не возьмёт, — с улыбкой пояснил Цзэюй, слегка пошевелив пальцами перед его лицом. — Раз настоятель запечатал эти двери, лучше туда не лезть.

— Просто хотел взглянуть. Те, что попадались нам по пути, мертвы, а здесь... — Хуайшу попытался возразить, но натолкнулся на столь мягкое, но непреклонное упрямство Чэнь Цзэюя, что впервые в жизни решил уступить.

— Ладно. Пойдём посмотрим, закончили ли эти двое свою потасовку, — недовольно буркнул он, разворачиваясь.

Цзэюй тихо рассмеялся ему в спину и послушно двинулся следом.

Не успели они приблизиться к главному двору, как воздух содрогнулся от оглушительного грохота. В первую секунду Хуайшу испугался, что кто-то добрался до его старых запасов взрывчатки, которые он когда-то припрятал в горах. Во вторую — понял, что старик окончательно вышел из себя.

Двигаясь бесшумно и плавно, они подошли к залу приёмов и заглянули внутрь. Недавние дуэлянты сидели по разные стороны просторного помещения, тяжело и часто дыша.

— Уходишь ты или нет?! — Лу Чэньюнь, чьи выпученные глаза сейчас казались ещё больше, яростно уставился на бледного как смерть даоса Циньюня.

Настоятель ответил ледяным и твёрдым голосом:

— Нет.

— Ах ты, упёртый старый хрен! Посмотри, что творится вокруг! Сколько ты сможешь удерживать эту гору в одиночку? Да ты...

Тут Лу Чэньюнь краем глаза заметил застывшие в дверном проёме фигуры учеников и запнулся, решив побережечь остатки авторитета старшего брата.

— Какой бы мир ни бушевал снаружи, это всё ещё мир людей, — глухо отозвался Циньюнь, тяжело опускаясь на деревянный стул. Его пальцы заметно подрагивали — судя по всему, в недавней стычке он всё же получил пару ушибов. — Если я брошу храм, куда податься остальным? Пока у меня есть силы, я сохраняю для них эту тихую гавань. А дальше... когда придёт время каждому ковать собственную судьбу, у них хотя бы будет какая-то опора под ногами.

Лу Чэньюнь лишь тяжело вздохнул и, заложив руки за спину, вышел прочь.

— Учитель, — Му Хуайшу скользнул взглядом по обоим старикам. Убедившись, что до смертоубийства дело не дошло, он собрался было вежливо откланяться и уйти к себе.

— Хуайшу, стой, — окликнул его Циньюнь. — Побудьте с Цзэюем в храме несколько дней. Присмотритесь к тому, как здешние ребята приноровились использовать новые силы в технике меча Циньчэн, а потом — сразу спускайтесь обратно. Не задерживайтесь тут.

— Что, боишься, что те старые пердуны из других кланов повесят на меня гибель своих учеников? — Хуайшу небрежно прислонился к косяку, хотя его пальцы, сжавшие край одежды, заметно побелели.

Чэнь Цзэюй нахмурился, собираясь вмешаться, но в этот момент настоятель молча выудил из широкого рукава нефритовый флакон и вытряхнул на ладонь две тёмные пилюли. По залу растёкся горьковато-сладкий травяной аромат.

— Быстро же у тебя лекарства кончаются, — Му Хуайшу мгновенно сорвался с места, перехватывая пустой сосуд из рук учителя. Он слегка встряхнул его — внутри не осталось ни крупички.

Не теряя времени, парень прижал три пальца к запястью Цинъюня. Пульс был неровным, прерывистым; старая рана снова дала о себе знать.

— Я соберу травы и приготовлю новый отвар.

— Не нужно... — начал было даос, но упрямый ученик уже растворился в воздухе. Старик лишь устало вздохнул и жестом подозвал к себе Чэнь Цзэюя, принимаясь вполголоса давать ему наставления.

Тем временем Му Хуайшу успел обойти несколько внутренних двориков, где старейшины выращивали целебные корни, однако нужного сбора так и не нашёл. Оставался единственный выход — лезть на дикий задний склон горы.

— Хуайшу! — окликнул его Чэнь Цзэюй. Парень невольно отметил про себя, что старший брат впервые назвал его по имени, без официального обращения.

Он остановился и обернулся:

— Чего тебе?

Чэнь Цзэюй мягко улыбнулся:

— Настоятель так и сказал: если не найдёшь всё в огородах, сразу ломанешься на задний склон. Он был прав. Но сейчас туда соваться нельзя. — Выдержав короткую паузу, он добавил: — По крайней мере, одному.

Хуайшу довольно усмехнулся:

— Ну так пошли вместе.

Едва они перешагнули невидимую границу заднего склона, как кожу Му Хуайшу опалило ледяным сквозняком. Лес за храмовой стеной изменился до неузнаваемости.

Вдруг воздух прорезал тонкий, едва слышный гул. Обернувшись, Хуайшу увидел в руке Чэнь Цзюя короткий угольно-чёрный клинок. На его матовой поверхности тускло поблескивала серебристая кромка лезвия, но стоило слегка изменить угол наклона, как оружие словно растворялось в полумраке, становясь совершенно незаметным.

— Какой чуткий клинок, — Хуайшу искренне восхитился. В прежние времена за такое сокровище многие практики без раздумий перерезали бы друг другу глотки. — Как его зовут?

— Уцяо. Чёрные ножны. Он очень чутко реагирует на опасность, — Чэнь Цзюй перехватил кинжал за лезвие и протянул рукоятью вперёд: — На, поддержи.

Приняв оружие, Хуайшу удивился: лезвие, казавшееся ледяным и смертоносным, грело ладонь приятным, живым теплом. Парень осторожно провёл подушечкой пальца по режущей кромке — сталь прогнулась, оставив на коже лишь глубокую белую полосу, но так и не пустила кровь.

— У него есть характер, — Му Хуайшу поднял глаза на Цзюя и едва заметно улыбнулся: — И он бесконечно предан своему хозяину.

В этот момент его собственная ладонь мелко задрожала. словно ревнуя и заявляя свои права, из рукава Хуайшу скользнула струйка едкого чёрного тумана, мгновенно соткавшаяся в полупрозрачное остриё Остаточного Ша. Парень тихо хмыкнул, глядя на выходку своего верного призрачного клинка.

— А вот и Цаньша, мой верный соратник. Осторожно, у него нет рукояти, за которую можно ухватиться.

Чэнь Цзюй без колебаний сжал призрачное остриё прямо в кулаке. Цаньша отчаянно забился, пытаясь вырваться и вернуться к хозяину, но так и не сумел преодолеть плотную хватку фармацевтического человека. Хуайшу готов был поклясться, что уловил в поведении своего оружия некое подобие детской обиды, и негромко рассмеялся.

Его смех эхом отозвался среди зашуршавших ветвей. Хуайшу слегка повёл пальцем, и Остаточное Ша, наконец вырвавшись на волю, пулей метнулся к раскидистому кустарнику неподалёку, с глухим стуком вонзившись глубоко в землю у корней.

Из зарослей донеслось предсмертное поскуливание. Раздвинув ветки, Хуайшу обнаружил на земле крупного хищника с совершенно чёрными, лишёнными белков глазами. Череп зверя был аккуратно разрублен надвое.

— Так вот почему старик запретил мне соваться сюда одному, — пробормотал парень. —

Лесное зверье тоже начало мутировать.

Куда опаснее было то, что эти твари сохранили свои природные повадки, которые теперь сочетались с пугающей, почти человеческой хитростью. Волк выжидал в засаде именно до того момента, пока чужаки не отвлекутся на разговор. Окажись на их месте обычный путник — и он бы уже превратился в растерзанную тушу.

— Что ж, теперь у тебя есть отличный материал для опытов, — Чэнь Цзэюй кивнул на поверженного зверя. — Изучать его куда сподручнее, чем обычных зомби.

— Заберём на обратном пути, сначала закончим с травами, — Хуайшу весело усмехнулся и прибавил шаг.

Идущий следом Чэнь Цзэюй мимоходом закинул волчью тушу в дальний угол своего пространственного хранилища, подальше от продуктов питания и чистой воды.

Тварей на заднем склоне оказалось немало. К счастью, превосходное чутьё их оружия и отточенные боевые навыки позволили им без особого труда проредить популяцию лесных мутантов.

— Дикие травы хороши, сила в них отменная, но вот нужного количества мы так и не набрали, — вздохнул Му Хуайшу. Сам он старался не показывать досады, но чуткий Цаньша уловил настроение хозяина и издал едва слышный тоскливый звон.

— Твой соратник на удивление преданный, — мягко заметил Чэнь Цзэюй.

Чем дольше он общался с этим парнем, тем отчётливее понимал: за внешней колючестью Му Хуайшу скрывается преданность тем немногим, кого он впустил в своё сердце. Почти двадцать лет затворничества наложили свой отпечаток — за напускным безразличием то и дело проглядывала чистая, неиспорченная душа. Цзэюй до сих пор помнил их первую встречу у раздевалки: взъерошенный, испуганный зверёк, который пытался казаться опасным хищником, но выглядел по-детски растерянным.

— Если не найдём нужные ингредиенты, всегда можно подобрать замену, — добавил он.

— У каждого растения свои свойства, замена ослабит эффект, — лаконично отрезал Хуайшу.

Когда его одолевали думы, он становился неразговорчивым. Из того скудного набора, что удалось собрать, полноценного лекарства для учителя не сварить. А если верить словам Му Цичао, то в будущем чистые, не затронутые скверной травы и вовсе станут величайшей редкостью.

Внезапно его осенило. Парень хитро прищурился, глядя на спутника:

— Слушай, старший брат... одолжишь мне немного своей крови?

Он только сейчас вспомнил, что рядом с ним шагает буквально неиссякаемый источник чистейшей целебной эссенции.

— Разумеется, — Чэнь Цзэюй отозвался без секундных колебаний, причём он так понимающе улыбнулся, что Хуайшу на миг показалось, будто его самого обвели вокруг пальца.

Ну да ладно, лишь бы снадобье вышло рабочим.

— Но давай сначала вернёмся в храм. Не здесь же вены вскрывать, — усмехнулся Цзэюй.

Му Хуайшу закатил глаза, но всё же улыбнулся, разом позабыв о неловком желании сказать банальное "спасибо".

— Да, пошли обратно.

За спиной снова раздался тихий смешок Чэнь Цзэюя, отчего Хуайшу на секунду насупился, но тут же переключил внимание на пустое место, где только что лежала туша зверя.

— Ты уже прибрал волка?

— Ага. Решил, что на обратном пути ты благополучно про него забудешь, — пожал плечами Цзэюй с самым невинным видом. На самом деле он и сам толком не знал, почему спрятал тело зверя — просто сработал инстинкт.

Вдруг над горой разнёсся гулкий, протяжный звон колокола, созывающего всех на общий сбор. Тяжёлые удары эхом покатались по ущельям.

— Быстрее! — Хуайшу сунул охапку собранных трав в руки Чэнь Цзэюя, зная, что в его пространстве они сохранятся в первозданном виде.

— Что стряслось? — спросил Цзэюй, когда они спешно вышли к площади для тренировок Храма.

На высоком деревянном помосте стоял даос Цинъюнь. По обе стороны от него расположились Лу Чэньюнь и несколько старейших мастеров храма. Му Хуайшу сразу приметил, что среди них нет ведавшего хозяйством Чунсюя и садовника Мулина.

«Неужели тоже обратились?» — мелькнула тревожная мысль.

— Раз старик собрал всех, значит, назрело важное решение, — вполголоса ответил Хуайшу.

Он легко взмыл вверх, устроившись на толстой ветке раскидистого дерева на краю площади. Обычно парень избегал подобных сборищ, и то, что он пришёл сюда сегодня, уже было огромным исключением из правил. Чэнь Цзэюй, недолго думая, прыгнул следом и уселся рядом.

— А ты-то куда лезешь? — Хуайшу инстинктивно отодвинулся чуть в сторону.

Этот его непроизвольный жест уклонения заставил сердце Цзэюя болезненно сжаться, но он лишь беспечно пожал плечами:

— Отсюда видно лучше.

Му Хуайшу картинно закатил глаза, поудобнее обхватил ствол руками и приготовился слушать, что затеял его наставник.

— Я созвал вас сегодня, чтобы обсудить один крайне важный вопрос, — звучный голос даоса Циньюня разнёсся над притихшей толпой. Он указал рукой на стоявшего рядом Лу Чэньюня. — Это мой младший брат по обучению. Сорок лет назад он покинул стены храма. Сейчас, когда мир погрузился во тьму и хаос, Глава Лу пришёл к нам. Он беспокоится о будущем молодых учеников и предлагает тем, кто пожелает, достойное место в новом мире. Вам больше не придётся влачить затворническую жизнь на этой горе. Вы сможете применить свои знания и силы там, где они действительно нужны. Есть ли среди вас те, кто готов уйти с ним?

— Сколько лет прошло, а старик так и не научился толкать речи, — тихо фыркнул Хуайшу.

Он прекрасно понимал, какие сомнения сейчас терзают душу учителя. Отпустить послушников с Шишу Лу — значит обречь их на смертельный риск ради призрачного шанса занять тёплое место под солнцем. Оставить всех здесь, под защитой стен Храма Циньчэн — но долго ли храм сможет оставаться островком безопасности в бушующем океане безумия?

— Настоятель действительно на распутье, — согласился Чэнь Цзэюй. — Но те, кто грезит о подвигах и славе, без раздумий выберут дорогу Лу Чэньюня. Вон, посмотри на Тяньци в первом ряду. Парень прямо-таки горит этой мыслью.

— Чжэн Тяньци... — задумчиво протянул Хуайшу. — Из него так и прёт этот пафос классических героев. Вполне естественно, что ему тесно в четырёх стенах.

Парень попытался вспомнить, когда именно Тяньци появился в храме — то ли когда ему самому было лет восемь, то ли десять... Память упорно молчала, он лишь помнил, что у того всегда была безупречная репутация среди послушников.

Пока Му Хуайшу предавался воспоминаниям, внизу уже началось движение. Как и ожидалось, ведомые Чжэн Тяньци молодые люди начали выходить из строя. Почти три десятка послушников решительно встали по правую руку от Лу Чэньюня. Те же, кто попал в храм лишь в последние пару лет, замялись в нерешительности. В отличие от светских учеников, которые давно разъехались по домам проводить родных, эти ребята толком не успели ничему научиться. Без выдающихся способностей соваться во внешний мир для них было равносильно самоубийству — здесь, за храмовыми стенами, они были в относительной безопасности.

— А у этого Тяньци сильное влияние на умы, — негромко заметил Чэнь Цзэюй, быстро подсчитав людей на площади.

Из двух сотен собравшихся за Чжэн Тяньци последовало уже около семидесяти человек. Кое-кто из них на вид едва перешагнул шестнадцатилетний рубеж.

— Ещё бы, — отозвался Хуайшу. — Он ученик старшего ученика нашего мастера. В год его появления старик как раз принял обязанности настоятеля, так что парня у нас долго считали вестником удачи. В последние годы все дела с паломниками и внешним миром велись в основном через него.

Видя, что собрание затягивается, Хуайшу лениво перебрался на ветку повыше и поудобнее растянулся на ней, закинув руки за голову.

— Смутные времена всегда рожают героев, — Чэнь Цзэюй тоже устроился поудобнее, всем своим видом демонстрируя безмятежность.

— В смутные времена выживают только безжалостные хищники, — философски заметил Му Хуайшу, глядя в раскинувшееся над ними небо. В голове его невольно всплыли строки из старых летописей. — «Лишь мы с тобой, мой друг, да Цао Цао...»